

КИРИЛЛ ЕРМИЧЁВ

Последняя субкультура

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 5

УДК 82-821
ББК 85.313(2)
Е73

Ермичёв, К.

Е73 Последняя субкультура : [сборник] / Кирилл Ермичёв. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 308 с. — (Серия «Пальмира — музыка»).

ISBN 978-5-517-09648-7

Настоящий сборник Кирилла Ермичёва с предисловием Ильи Стогова рассказывает о музыкальной культуре в России конца XX — начала XXI века. Его составляют три прозаических текста: «Русская психатака» — записки, посвященные творческому взрыву независимой музыки сайкобилли, столицей которой в России 1990-х стал Петербург, повесть «Айсберг за 2\$» — история о партизанских съемках музыкального видео, о музыке, кино, телевидении и клубах, которая начинается там, где заканчивается «Русская психатака», и повесть «Танцуй, Пахловон!», написанная на основе одноименного киносценария, а также сборник стихов «Тень в обратную сторону».

УДК 82-821
ББК 85.313(2)

© Ермичёв К. А., 2025
© Стогоff И., предисловие, 2025
© Оформление.

ISBN 978-5-517-09648-7

АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

*Ивану Бортникову с благодарностью
за побуждение к созданию фильма
и совместную работу*

ДЕВЯНОСТО УДАРОВ В МИНУТУ

В самом начале 1990-х я жил в неприятном окраинном районе Петербурга. Из того времени мне вспоминаются только кирпичные стены, дождь и люди с плохой кожей, пытающиеся укрыться от этого вечного дождя. Тогда я еще не знал, что это время будет самым счастливым в моей биографии.

Каждое утро я выходил на кухню своей вечно неприбранной квартиры, смотрел в окно и упирался взглядом в стену дома напротив. Стена была, разумеется, кирпичной. На ней крупными буквами было написано «Scary B.O.O.M.». Смысл надписи оставался непонятным для меня на протяжении нескольких лет. До тех самых пор, пока я не познакомился с автором книги, которую вы держите в руках. На тот момент он числился фронтменом лучшей независимой группы Петербурга. Группа называлась Scary B.O.O.M.

Из квартиры на окраине я успел переехать в район поприличнее и работал тогда редактором самого первого глянцевого журнала страны. Кирилл Ермичёв ко мне в редакцию привел давний знакомый. Выглядели оба они просто роскошно: кожаные куртки, кофты с капюшоном, модные ботинки. Настолько модные, что себе я смог позволить такие же лишь в начале следующего десятилетия.

В редакции мы немного поболтали, а потом решили выскочить куда-нибудь ненадолго. Прошли по Миллионной улице до Дворцовой площади, свернули на Невский, сели для начала в баре «Корсар». Там я смог разглядеть ботинки нового знакомого подробнее. Они были сногшибательные, и от зависти я почти сразу заказал себе еще один напиток... В общем, что уж тут рассказывать долго? В редакцию в тот день я уже не вернулся, а с Кириллом после этого стал видеться куда чаще, чем с парнем, который в тот раз нас познакомил.

Музыка, которую играл Кирилл, на тот момент была самой модной из всего, что можно было послушать в только-только открывающихся петербургских клубах. Ну, то есть, конечно, был еще рейв, но как раз к середине 1990-х рейв стал массовым и оттого ужасно неприятным. Всего лет за пять — за семь из подпольного удовольствия для немногих посвященных он превратился в досуг для обожренных экстази подростков. А то, что играл Кирилл, — это было круто. Коки... контрабасы... огромные микрофоны, как в американских киношках 1950-х.

Самые лучшие образцы жанра Кирилл издавал на аудиокассетах и каждый раз рисовал на вкладышах к ним страшные комиксы про красоток в яркой помаде и космических пауков. Слушая дома эти кассеты, я отлично понимал, почему неведомые мне поклонники написали название его коллектива напротив моего окна столь огромными буквами.

Черт возьми! — все это было буквально вчера. Но впечатление такое, будто с тех пор прошла вечность. Или даже несколько вечностей. Я стараюсь не думать об этом, но иногда в голову сами собой лезут мысли насчет того, что на самом-то деле все должно было произойти совсем не так, как произошло. Двадцать лет назад среди моих приятелей

было огромное количество тех, кому предстояло стать героями. Я общался с будущими миллионерами и будущими звездами рок-н-ролла, будущими мужьями самых красивых женщин планеты и теми, кому на набережных моего города непременно будут установлены бронзовые бюсты...

У всех нас было блестящее будущее. Только оно так и не наступило.

Я писал романы (которые перед публикацией каждый раз давал прочитать Кириллу), а Кирилл записывал альбомы (в записи одного из которых выпала честь участвовать и мне). Тогда, в девяностых, казалось, будто мы — победители. Самое свободное поколение в истории страны. Чтобы понять, что это ошибка, что мир, который казался разгромленным окончательно, безо всякой надежды на реванш, все равно извернется и победит, потому что иначе не бывает, да и быть не может, — чтобы понять все это, понадобилось целых двадцать лет.

Я давно не работаю в журналах, да и романов, которые когда-то так любил, не пишу уже больше десятилетия. Зато в телевизор как-то незаметно вернулись все те рожи, которые тогда, в девяностых, я надеялся никогда уже не увидеть. То десятилетие закончилось, и вспоминать его сегодня принято разве что бранным словом. Идея, будто именно девяностые стали самым ярким, самым прекрасным временем в истории страны, выглядит в наши дни как опасная ересь. Хотя если говорить откровенно, то именно так все и было. Именно девяностые, сердце которых стучало в ритме Scary B.O.O.M., стали «бронзовым веком» русской культуры.

От того десятилетия почти ничего не осталось. Ну, разве что несколько выживших, которые все еще помнят, как же все было на самом деле. У меня дома еще лежит несколько выпущенных когда-то Кириллом Ермичёвым аудиокассет,

а вы держите в руках написанную им книгу. Что ж? Это уже немало.

Пару недель назад я проезжал мимо дома, в котором жил двадцать лет тому назад. Как оказалось, крупные буквы Scary B.O.O.M. на кирпичной стене давно замазаны краской. Однако, вы знаете, если остановиться и приглядеться, название моей любимой независимой группы тогдашнего Петербурга все еще неплохо читается. Пролетевшие годы ничего не смогли сделать с надписью, с которой когда-то начиналось каждое утро моей тогдашней жизни.

Илья Стогофф